

Дирижируя «Свадебкой» Стравинского на открытии Московского пасхального фестиваля, Валерий Гергиев обошелся без подиума Фото: ИТАР-ТАСС

Гергиев пригласил на «Свадебку»

в БЗК открылся Московский пасхальный фестиваль

Газета - 203 - 29 апр. - с. 15.

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

Архиепископ Истринский владыка Арсений с напутственным словом от Патриарха и мэра Москвы Юрий Лужков открыли в Большом зале Консерватории Московский пасхальный фестиваль. В заключение вступительной речи Лужков, являющийся одним из инициаторов этого весеннего концертного марафона под эгидой Валерия Гергиева, шутливо потребовал от музыкантов взять ноту «ля» и объявил фестиваль открытым.

На непривычно пустую сцену, на которой не было ни оркестра, ни даже дирижерского подиума, вышел Валерий Гергиев. Перед ним стройными рядами стояли хористы, четыре рояля, а по правую руку — четыре певца. Именно такой состав определил Игорь Стравинский для своей «Сва-

дебки» — русских хореографических сцен с пением и музыкой.

Первая концертная программа на фоне дальнейших «гвоздей» выглядела почти скромно. Кроме уже упомянутого опуса Стравинского во втором отделении была заявлена Пятая симфония Чайковского. Открытие, однако же, вышло громким.

«Свадебка», с ее эстетской «народностью», жесткими и изобретательными ритмическими конструкциями и совершенно экспрессионистским надромом, — несомненный «гергиевский» опус. Огромная перкуссионная группа и четыре рояля, также выступающие порой в роли ударных инструментов, — мощное оружие, особенно в руках Валерия Гергиева. «Тамада» на свадьбе получился отменный — темпераментный и азартный.

Единственное, что смущало в этом исполнении, — блеклые голоса певцов.

Слов, таких вкусных, народных, с диалектными «приправами», было почти не слышно. Только бас Геннадий Беззубенков «забрал» зал во время своего колоритного соло.

Пятая симфония Чайковского вызвала двойственные чувства. С одной стороны, я, скорее всего, не стал бы покупать диск с этой интерпретацией — слишком «силовой» была эта игра, затеянная ради сногшибательного и мистического пафоса в первой и четвертой частях, но явно жертвующая лирикой в знаменитом *Andante cantabile* и Вальсе. В то же время это нахождение в эпицентре задуманного Гергиевым штурма — само по себе невероятно сильное и, безусловно, ценное переживание. Очевидно, что сам маэстро — даже если он транслирует свой собственный message, лишь опосредованно связанный с замыслом Чайковского, — один из тех властителей дум, к которым невозможно не прислушаться.